

Чужая жена и муж под кроватью

Как-то раз молодой господин по фамилии Творогов согласился на авантюру: поймать некую даму вместе с ее любовником. Но данное «мероприятие» приняло крайне неожиданный поворот... («Чужая жена и муж под кроватью»). Молодой муж Арист разлюбил свою жену Эльмиру и завел любовницу. А друг семьи Сафир уж тут как тут, обхаживает прелестную Эльмиру. Вернувшись с тайного свидания, Арист застаёт Сафира у себя дома в компании жены... («Молодые супруги»). Богатая вдова Софья Антоновна потому и стала богатой, что была неглупа. И заметив мотовство нового ухажера, решает дать ему «от ворот поворот». Да весьма искусным способом... («Неожиданный случай»)

В сборник вошли рассказы, повести и пьесы А. Пушкина, И. Тургенева, И. Гончарова, Л. Толстого, А. Куприна, А. Чехова и других.

*Ф. Достоевский, А. Мехов,
А. Молстой*

*Мужская жена
и муж под кроватью*

Сборник

КСД

*Ф. Достоевский, А. Межов,
А. Толстой*

*Мужская жена
и муж под кроватью*

Сборник

ХАРЬКОВ
2021 КСД

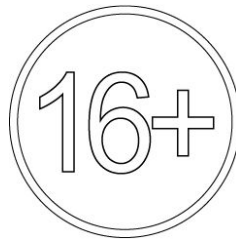

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9066-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

В оформлении обложки использована картина *Фирса Журавлева «Жена-модница»* (1872)

До збірки увійшли оповідання, повісті і п'єси О. Пушкіна, І. Тургенєва, І. Гончарова, Л.
Толстого, О. Купріна, А. Чехова та інших.

Ч-86 **Чужая** жена и муж под кроватью : сборник / Ф. Достоевский, А. Чехов, Л. Толстой и др. —
Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 416 с.

ISBN 978-617-12-8859-1

В сборник вошли рассказы, повести и пьесы А. Пушкина, И. Тургенева, И. Гончарова, Л.
Толстого, А. Куприна, А. Чехова и других.

УДК 821.161.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Рассказы и повести

Федор Достоевский. Чужая жена и муж под кроватью

(ПРОИСШЕСТВИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ)

I

— Сделайте одолжение, милостивый государь, позвольте вас спросить...

Прохожий вздрогнул и несколько в испуге взглянул на господина в енотах, приступившего к нему так без обиняков, в восьмом часу вечера, среди улицы. А уж известно, что если один петербургский господин вдруг заговорит на улице о чем-нибудь с другим, совершенно незнакомым ему господином, то другой господин непременно испугается.

Итак, прохожий вздрогнул и несколько испугался.

— Извините, что я вас потревожил, — говорил господин в енотах, — но я... я, право, не знаю... вы, вероятно, извините меня; вы видите, я в некотором расстройстве духа...

Тут только заметил молодой человек в бекеше, что господин в енотах был точно в расстройстве. Его сморщенное лицо было довольно бледненько, голос его дрожал, мысли очевидно сбивались, слова не лезли с языка, и видно было, что ему ужасного труда стоило согласить покорнейшую просьбу, может быть, к своему низшему в отношении степени или сословия лицу, с нуждою непременно обратиться к кому-нибудь с просьбой. Да и, наконец, просьба эта во всяком случае была неприличная, несолидная, странная со стороны человека, имевшего такую солидную шубу, такой почтенный, превосходного темно-зеленого цвета фрак и такие многознаменательные украшения, упещрявшие этот фрак. Видно было, что всё это смущало самого господина в енотах, так что наконец, расстроенный духом, господин не выдержал, решился подавить свое волнение и прилично замять неприятную сцену, которую сам же вызвал.

— Извините меня, я не в себе; но вы, правда, меня не знаете... Извините, что обеспокоил вас; я раздумал.

Тут он приподнял из учтивости шляпу и побежал далее.

— Но позвольте, сделайте милость.

Маленький человек, однако, скрылся во мраке, оставив в остолбенелом состоянии господина в бекеше.

«Что за чудак!» — подумал господин в бекеше. Потом, как следует подивившись и вышед наконец из остолбенелого состояния, он вспомнил про свое и начал прохаживаться взад и вперед, пристально глядя на ворота одного бесконечноэтажного дома. Начиная падать туман, и молодой человек несколько обрадовался, ибо прогулка его при тумане была незаметнее, хотя, впрочем, только какой-нибудь безнадежно весь день простоявший извозчик мог заметить ее.

— Извините!

Прохожий опять вздрогнул: опять тот же господин в енотах стоял перед ним.

— Извините, что я опять... — заговорил он, — но вы, вы — верно, благородный человек! Не обращайтесь на меня внимания как на лицо, взятое в общественном смысле; я, впрочем, сбиваюсь; но вникните, по-человечески... перед вами, сударь, человек, нуждающийся в покорнейшей просьбе...

— Если могу... что вам угодно?

— Вы, может, подумали, что уж я у вас денег прошу! — сказал таинственный господин, кривя рот, истерически смеясь и бледнея.

— Помилуйте-с...

— Нет, я вижу, что я вам в тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня в расстроенном состоянии духа, почти в сумасшествии, и не заключите чего-нибудь...

— Но к делу, к делу! — отвечал молодой человек, ободрительно и нетерпеливо кивнув головой.

— А! Теперь вот как! Вы, такой молодой человек, мне напоминаете о деле, как будто я какой нерадивый мальчишка! Я решительно выжил из ума!.. Как я вам кажусь теперь в моем унижении, скажите откровенно?

Молодой человек сконфузился и смолчал.

— Позвольте вас спросить откровенно: не видали ль вы одной дамы? В этом вся просьба моя! — решительно проговорил наконец господин в енотовой шубе.

— Дамы?

— Да-с, одной дамы.

— Я видел... но их, признаюсь, так прошло много...

— Так точно-с, — отвечал таинственный человек с горькой улыбкой. — Я сбиваюсь, я не то хотел спросить, извините меня; я хотел сказать, не видали ль вы одной госпожи в лисьем салопе, в темном бархатном капоре с черной вуалью?

— Нет, такой не видал... нет, кажется, не заметил.

— А! в таком случае извините-с!

Молодой человек хотел что-то спросить, но господин в енотах опять исчез, опять оставив в остолбенелом состоянии своего терпеливого слушателя. «А, черт бы его взял!» — подумал молодой человек в бекеше, очевидно расстроенный.

Он с досадою закрылся бобром и опять стал прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо ворот бесконечноэтажного дома. Он злился.

«Что ж она не выходит? — думал он. — Скоро восемь часов!»

На башне пробило восемь часов.

— Ах! черт вас возьми, наконец!

— Извините-с!..

— Извините меня, что я вас так... Но вы так подкатились мне под ноги, что испугали совсем, — проговорил прохожий, морщась и извиняясь.

— Я опять к вам-с. Конечно, я вам должен казаться беспокойным и странным-с.

— Сделайте одолжение, без пустяков, объяснитесь скорее; я еще не знаю, в чем ваше желанье?..

— Вы торопитесь? Видите ли-с. Я вам всё расскажу откровенно, без лишних слов. Что ж делать! Обстоятельства связывают иногда людей совершенно разнородных характеров... Но, я вижу, вы нетерпеливы, молодой человек... Так вот-с... впрочем, я не знаю, как и говорить: я ищу даму-с (я уж решился всё говорить). Я именно должен знать, куда пошла эта дама? Кто она, — я думаю, вам не нужно знать ее имени, молодой человек.

— Ну-с, ну-с, дальше.

— Дальше! но ваш тон со мной! Извините, может быть, я вас оскорбил, назвав вас молодым человеком, но я не имел ничего... одним словом, если вам угодно оказать мне величайшую услугу, так вот-с,

одна дама-с, то есть я хочу сказать порядочная женщина, из превосходного семейства, моих знакомых... мне поручено... я, видите ли, сам не имею семейства...

— Ну-с.

— Вникните в мое положение, молодой человек (ах, опять! извините-с; я всё называю вас молодым человеком). Каждая минута дорога... Представьте себе, эта дама... но не можете ли вы мне сказать, кто живет в этом доме?

— Да... тут много живут.

— Да, то есть вы совершенно справедливы, — отвечал господин в енотах, слегка засмеявшись для спасения приличий, — чувствую, я немного сбиваюсь... но к чему такой тон ваших слов? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь в том, что сбиваюсь, и если вы надменный человек, то уж вы достаточно видели мое унижение... Я говорю, одна дама, благородного поведения, то есть легкого содержания, — извините, я так сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вот — выдумали, что Поль де Кок легкого содержания, а вся беда от Поль де Кока-то-с... вот!..

Молодой человек с сожалением посмотрел на господина в енотах, который, казалось, окончательно сбился, замолчал, глядел на него, бессмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою, без всякой видимой причины, хватал его за лацкан бекеша.

— Вы спрашиваете, кто здесь живет? — спросил молодой человек, несколько отступая назад.

— Да, многие живут, вы сказали.

— Здесь... я знаю, что здесь Софья Остафьевна тоже живет, — проговорил молодой человек шепотом и даже с каким-то соболезнованием.

— Ну, вот видите, видите! вы что-нибудь знаете, молодой человек?

— Уверяю вас, нет, ничего не знаю... Я судил по расстроенному вашему виду.

— Я тотчас узнал от кухарки, что она сюда ходит; но вы не на то напали, то есть не к Софье Остафьевне... она с ней незнакома...

— Нет? ну, извините-с...

— Видно, что вам это всё неинтересно, молодой человек, — проговорил странный господин с горькой иронией.

— Послушайте, — сказал молодой человек, заминаясь, — я в сущности не знаю причины вашего состояния, но вам, верно, изменили, вы скажите прямо?

Молодой человек одобрительно улыбнулся.

— Мы по крайней мере пойдем друг друга, — прибавил он, и всё тело его великодушно обнаружило желание сделать легкий полупоклон.

— Вы убили меня! но — откровенно признаюсь вам — именно так... но с кем не случается!.. До глубины тронут вашим участием. Согласитесь, между молодыми людьми... Я хоть не молод, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостёжью, известно...

— Ну, уж известно, известно! Но чем же я могу вам помочь?

— А вот-с; согласитесь, что посещать Софью Остафьевну...

Впрочем, я еще не знаю наверно, куда пошла эта дама; я знаю только, что она в этом доме; но, видя вас прогуливающимся, — а я сам прогуливался по той стороне, — думаю... я вот, видите ли, жду эту даму... я знаю, что она тут, — мне бы хотелось встретить ее и объяснить, как неприлично и гнусно... одним словом, вы меня понимаете...

— Гм! Ну!

— Я и не для себя это делаю; вы не подумайте — это чужая жена! Муж там стоит, на Вознесенском мосту; он хочет поймать, но он не решается — он еще не верит, как и всякий муж... (тут господин в енотах хотел улыбнуться), я — друг его; согласитесь сами, я человек, пользующийся некоторым уважением, — я не могу быть тем, за кого вы меня принимаете.

— Конечно-с; ну-с, ну-с!..

— Так вот, я всё ее ловлю; мне поручено-с (несчастный муж!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вечно Поль де Кок под подушкой); я уверен, что она прошмыгнет как-нибудь незаметно... Мне, признаюсь, кухарка сказала, что она ходит сюда; я как сумасшедший бросился, только что известие получил; я хочу поймать; я давно подозревал и потому хотел просить вас, вы здесь ходите... вы — вы — я не знаю...

— Ну, да, наконец, что ж вам угодно?

— Да-с... Не имею чести знать вас; не смею любопытствовать, кто и как... Во всяком случае, позвольте познакомиться; приятный

случай!..

Дрожащий господин жарко потряс руку молодого человека.

— Это бы я должен был сделать в самом начале, — прибавил он, — но я забыл всё приличие!

Говоря, господин в енотах не мог постоять на месте, с беспокойством оглядывался по сторонам, семенил ногами и поминутно, как погибающий, хватался рукою за молодого человека.

— Видите ли-с, — продолжал он, — я хотел обратиться к вам по-дружески... извините за вольность... хотел испросить у вас, чтоб вы ходили — по той стороне и со стороны переулка, где черный выход, этак покоем описывая букву П то есть. Я тоже, с своей стороны, буду ходить с главного подъезда, так что мы не пропустим; а я всё боялся один пропустить; я не хочу пропустить. Вы, как увидите ее, то остановите и кричите мне... Но я сумасшедший! Только теперь вижу всю глупость и неприличие моего предложения!

— Нет, что ж! помилуйте!..

— Не извиняйте меня; я в расстройстве духа, я теряюсь, как никогда не терялся! Точно меня под суд отдали! Я даже признаюсь вам — я буду благороден и откровенен с вами, молодой человек: я даже вас принимал за любовника!

— То есть, попросту, вы хотите знать, что я здесь делаю?

— Благородный человек, милостивый государь, я далек от мысли, что вы он; я не замараю вас этою мыслию, но... но даете ли вы мне честное слово, что вы не любовник?..

— Ну, хорошо, извольте, честное слово, что любовник, но не вашей жены; иначе бы я не был на улице, а был бы теперь вместе с нею!

— Жены? кто вам сказал жены, молодой человек? Я холостой, я, то есть, сам любовник...

— Вы говорили, есть муж... на Вознесенском мосту...

— Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другие узы!

И согласитесь, молодой человек, некоторая легкость характеров, то есть...

— Ну, ну! Хорошо, хорошо!..

— То есть я вовсе не муж...

— Очень верю-с. Но откровенно говорю вам, что, разуверив вас теперь, хочу сам себя успокоить и оттого собственно с вами и откровенен; вы меня расстроили и мешаете мне. Обещаю вам, что

кликну вас. Но прошу вас покорнейше дать мне место и удалиться. Я сам тоже жду.

— Извольте, извольте-с, я удаляюсь, я уважаю страстное нетерпение вашего сердца. Я понимаю это, молодой человек. О, как я вас теперь понимаю!

— Хорошо, хорошо...

— До свидания!.. Впрочем, извините, молодой человек, я опять к вам... Я не знаю, как сказать... Дайте мне еще раз честное и благородное слово, что вы не любовник!

— Ах, господи, бог мой!

— Еще вопрос, последний: вы знаете фамилию мужа вашей... то есть той, которая составляет ваш предмет?

— Разумеется, знаю; не ваша фамилия, и кончено дело!

— А почему ж вы знаете мою фамилию?

— Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдет тысячу раз... Ну, что же вы? Ну, ваша в лисьем салопе и в капоре, а моя в клетчатом плаще и в голубой бархатной шляпке... Ну, что ж вам еще? чего ж больше?

— В голубой бархатной шляпке! У ней есть и клетчатый плащ и голубая шляпка, — закричал неотвязчивый человек, мигом возвратившись с дороги.

— Ах, черт возьми! Ну, да ведь это может случиться... Да, впрочем, что ж я! Моя же туда не ходит!

— А где она — ваша?

— Вам это хочется знать; что ж вам?

— Признаюсь, я всё про то...

— Фу, бог мой! Да вы без стыда без всякого! Ну, у моей здесь знакомые, в третьем этаже, на улице. Ну, что ж вам, по именам людей называть, что ли?

— Бог мой! И у меня есть знакомые в третьем этаже, и окна на улицу. Генерал...

— Генерал?!

— Генерал. Я вам, пожалуй, скажу, какой генерал: ну, генерал Половицын.

— Вот тебе на! Нет, это не те! (Ах, черт возьми! черт возьми!)

— Не те?

— Не те.

Оба молчали и в недоумении смотрели друг на друга.

— Ну, что ж вы так смотрите на меня? — вскрикнул молодой человек, с досадою отряхая с себя столбняк и раздумье.

Господин заметался.

— Я, я, признаюсь...

— Нет, уж позвольте, позвольте, теперь будемте говорить умнее.

Общее дело. Объясните мне... Кто у вас там?..

— То есть знакомые?

— Да, знакомые...

— Вот видите, видите! Я по глазам вашим вижу, что я угадал!

— Черт возьми! да нет же, нет, черт возьми! слепы вы, что ли? ведь я перед вами стою, ведь я не с ней нахожусь; ну! ну же! Да, впрочем, мне всё равно; хоть говорите, хоть нет!

Молодой человек в бешенстве повернулся два раза на каблуке и махнул рукой.

— Да я ничего, помилуйте, как благородный человек, я вам всё расскажу: сначала жена сюда ходила одна; она им родня; я и не подозревал; вчера встречаю его превосходительство: говорит, что уж три недели как переехал отсюда на другую квартиру, а же... то есть не жена, а чужая жена (на Вознесенском мосту), эта дама говорила, что еще третьего дня была у них, то есть на этой квартире... А кухарка-то мне рассказала, что квартиру его превосходительства снял молодой человек Бобыницын...

— Ах, черт возьми, черт возьми!..

— Милостивый государь, я в страхе, я в ужасе!

— Э, черт возьми! да мне-то какое дело до того, что вы в страхе и в ужасе? Ах! вон-вон мелькнуло, вон...

— Где? где? вы только крикните: Иван Андреич, а я побегу...

— Хорошо, хорошо. Ах, черт возьми, черт возьми! Иван Андреич!!

— Здесь, — закричал воротившийся Иван Андреич, совсем задыхаясь. — Ну, что? что? где?

— Нет, я только так... я хотел знать, как зовут эту даму?

— Глаф...

— Глафира?

— Нет, не совсем Глафира... извините, я вам не могу сказать ее имя. — Говоря это, почтенный человек был бледен как платок.

— Да, конечно, не Глафира, я сам знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а впрочем, с кем же она?

— Где?

Раздался шум и хохот; две смазливые девушки вышли с крыльца; оба бросились к ним.

— Ах какие! что вы?

— Куда вы суетесь?

— Не те!

— Что, не на тех напали! Извозчик!

— Куда вас, мамзель?

— К Покрову; садись, Аннушка, я довезу.

— Ну, а я с той стороны; пошел! Смотри же, шибче вези...

Извозчик уехал.

— Боже мой, боже! Но не пойти ли туда?

— Куда?

— Да к Бобыницыну.

— Нет-с, нельзя...

— Отчего?

— Я бы, конечно, пошел; но тогда она скажет другое; она... обернется: я ее знаю! Она скажет, что нарочно пришла, чтоб меня поймать с кем-нибудь, да беду на меня же и свалит!

— И знать, что, может быть, там она! Да вы — я не знаю, почему же — ну, да вы подите к генералу-то...

— Да ведь он переехал!

— Всё равно, понимаете? она же ведь пошла; ну, и вы тоже — поняли? Сделайте так, что как будто не знаете, что генерал переехал, приходите как будто к нему за женой, ну и так далее.

— А потом?

— Ну, а потом накрывайте кого следует у Бобыницына; фу ты, черт, какой бестолк...

— Ну, а вам-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!..

— Что, что, батенька? что? опять за то же, что прежде? Ах ты, господи, господи! Срамитесь вы, смешной человек, бестолковый вы человек!

— Ну, да зачем же вы так интересуетесь? вы хотите узнать...

— Что узнать? что? Ну, да, черт возьми, не до вас теперь! Я и один пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бегайте там, ну!

— Милостивый государь, вы почти забываетесь! — закричал господин в енотах в отчаянии.

— Ну, что ж? ну, что ж, что я забываюсь? — проговорил молодой человек, стиснув зубы и в бешенстве приступая к господину в енотах. — Ну, что ж? перед кем забываюсь?! — загремел он, сжимая кулаки.

— Но, милостивый государь, позвольте...

— Ну, кто вы, перед кем забываюсь; как ваша фамилия?

— Я не знаю, как это, молодой человек; зачем же фамилию?.. Я не могу объявить... Я лучше с вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на всё готов... Но, поверьте, я заслуживаю более вежливых выражений! Не нужно нигде терять присутствия духа, и если вы чем расстроены, — я догадываюсь чем, — то по крайней мере забываться не нужно... Вы еще очень, очень молодой человек!..

— Да что мне, что вы старый? Эка невидаль! ступайте прочь; чего вы тут бегаετε?..

— Почему ж я старый? какой же я старый? Конечно, по званию, но я не бегаю...

— Это и видно. Да убирайтесь же прочь...

— Нет, уж я с вами; вы мне не можете запретить; я тоже замешан; я с вами...

— Ну, так тише же, тише, молчать!..

Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лестницу, в третий этаж; было темнехонько.

— Стойте! Есть у вас спички?

— Спички? какие спички?

— Вы курите сигары?

— А, да! есть, есть; здесь они, здесь; вот, постойте... — Господин в енотах засуетился.

— Фу, какой бестолков... черт! кажется, эта дверь...

— Эта-эта-эта-эта-эта...

— Эта-эта-эта... что вы орете? тише!..

— Милостивый государь, я скрепя сердце... вы дерзкий человек, вот что!..

Вспыхнул огонь.

— Ну, так и есть, вот медная дощечка! вот Бобыницын; видите: Бобыницын?..

— Вижу, вижу!

— Ти...ше! Что, потухла?

— Потухла.

— Нужно постучаться?

— Да, нужно! — отозвался господин в енотах.

— Стучитесь!

— Нет, зачем же я? вы начните, вы постучите...

— Трус!

— Сами вы трус!

— Уб-бир-райтесь же!

— Я почти раскаиваюсь, что поверил вам тайну; вы...

— Я? Ну, что ж я?

— Вы воспользовались расстройством моим! вы видели, что я в расстроенном духе...

— А наплевать! мне смешно — вот и кончено!

— Зачем же вы здесь?

— А вы-то зачем?..

— Прекрасная нравственность! — заметил с негодованием господин в енотах.

— Ну, что вы про нравственность? вы-то чего?

— А вот и безнравственно!

— Что?!!

— Да, по-вашему, каждый обиженный муж есть колпак!

— Да вы разве муж? Ведь муж-то на Вознесенском мосту? Что ж вам-то? Чего вы пристали?

— А вот мне кажется, что вы-то и есть любовник!..

— Послушайте, если вы будете так продолжать, то я должен буду признаться, что вы-то и есть колпак! то есть знаете кто?

— То есть вы хотите сказать, что я муж! — сказал господин в енотах, как будто кипятком обваренный, отступая назад.

— Тсс! молчать! слышите...

— Это она.

— Нет!

— Фу, как темно!

Всё затихло; в квартире Бобыницына послышался шум.

— За что нам ссориться, милостивый государь? — прошептал господин в енотах.

— Да вы же, черт возьми, сами обиделись!

— Но вы меня вывели из последних границ.

— Молчите!

— Согласитесь, что вы еще очень молодой человек...

— Мо-л-чите же!

— Конечно, я согласен с вашей идеей, что муж в таком положении — колпак.

— Да замолчите ли вы? о!..

— Но к чему же такое озлобленное преследование несчастного мужа?..

— Это она!

Но шум в это время умолк.

— Она?

— Она! она! она! Да вы-то, вы-то из чего хлопчете! ведь не ваша беда!

— Милостивый государь, милостивый государь! — бормотал господин в енотах, бледнея и всхлипывая. — Я, конечно, в расстройстве... вы достаточно видели мое унижение; но теперь ночь, конечно, но завтра... впрочем, мы, верно, не встретимся завтра, хотя я и не боюсь встретиться с вами, — и это, впрочем, не я, это мой приятель, который на Вознесенском мосту; право, он! Это его жена, это чужая жена! Несчастный человек! уверяю вас. Я с ним знаком хорошо; позвольте, я вам всё расскажу. Я с ним друг, как вы можете видеть, ибо не стал бы я так теперь из-за него сокрушаться, — сами видите; я же несколько раз ему говорил: зачем ты женишься, милый друг? звание есть у тебя, достаток есть у тебя, почтенный ты человек, что ж менять это всё на прихоть кокетства! Согласитесь! Нет, женюсь, говорит: семейное счастье... Вот и семейное счастье! Сначала сам мужей обманывал, а теперь и пьет чашу... вы извините меня, но это объяснение было вынуждено необходимостью!.. Он несчастный человек и пьет чашу — вот!.. — Тут господин в енотах так всхлипнул, как будто зарыдал не на шутку.

— А черт бы взял их всех! Мало ли дураков! Да вы кто такой?

Молодой человек скрежетал зубами от бешенства.

— Ну, уж после этого, согласитесь сами... я был с вами благороден и откровенен... этакой тон!

— Нет, позвольте, вы меня извините... как ваша фамилия?

— Нет, зачем же фамилия?

— А!!

— Мне нельзя сказать фамилию...

— Шабрина знаете? — быстро сказал молодой человек.

— Шабрин!!!

— Да, Шабрин! а!!! (Тут господин в бекеше несколько поддразнил господина в енотах.) Поняли дело?

— Нет-с, какой же Шабрин! — отвечал оторопевший господин в енотах, — совсем не Шабрин; он почтенный человек! Извиняю вашу невежливость мучениями ревности.

— Мошенник он, продажная душа, взяточник, плут, казну обворовал! Его скоро под суд отдадут!

— Извините, — говорил господин в енотах, бледнея, — вы его не знаете; совершенно, как я вижу, он вам неизвестен.

— Да, в лицо-то не знаю, а из других очень близких ему источников знаю.

— Милостивый государь, из каких источников? Я в расстройстве, вы видите...

— Дурак! ревнивец! за женой не усмотрит! Вот он какой, коль приятно вам знать!

— Извините, вы в ожесточенном заблуждении, молодой человек...

— Ах!

— Ах!

В квартире Бобыницына послышался шум. Стали отворять дверь. Послышались голоса.

— Ах, это не она, не она! Я узнаю ее голос; я теперь узнал всё, это не она! — сказал господин в енотах, побледнев как платок.

— Молчать!

Молодой человек прислонился к стене.

— Милостивый государь, я бегу: это не она, я очень рад.

— Ну, ну! ступайте, ступайте!

— А чего ж вы стоите?

— А вы-то чего?

Дверь отворилась, и господин в енотах, не выдержав, стремглав покатился с лестницы.

Мимо молодого человека прошли мужчина и женщина, и сердце его замерло... Послышался знакомый женский голос, и потом сиплый

мужской, но совсем незнакомый.

— Ничего, я прикажу сани подать, — говорил сиплый голос.

— Ах! ну, ну, согласна; ну, прикажите...

— Они там, сейчас.

Дама осталась одна.

— Глафира! где твои клятвы? — вскричал молодой человек в бекеше, хватая за руку даму.

— Ай, кто это? Это вы, Творогов? Боже мой! что вы делаете?

— С кем вы здесь были?

— Но это мой муж, уйдите, уйдите, он сейчас выйдет оттуда... от Половицных; уйдите, ради бога, уйдите.

— Половицны три недели как переехали! Я всё знаю!

— Ай! — Дама бросилась на крыльцо.

Молодой человек догнал ее.

— Кто вам сказал? — спросила дама.

— Муж ваш, сударыня, Иван Андреич; он здесь, он перед вами, сударыня...

Иван Андреич действительно стоял у крыльца.

— Ай, это вы? — закричал господин в енотовой шубе.

— А! *c'est vous?*¹ — закричала Глафира Петровна, с неподдельною радостью бросаясь к нему. — Боже! что со мной было! Я была у Половицных; можешь себе представить... ты знаешь, что они теперь у Измайловского моста; я говорила тебе, помнишь? Я взяла сани оттудова. Лошади взбесились, понесли, разбили сани, и я упала отсюда во ста шагах; кучера взяли; я была вне себя. К счастью, *monsieur*² Творогов...

— Как?

M-r Творогов походил более на окаменелость, чем на *m-r* Творогова.

— *Monsieur* Творогов увидал меня здесь и взялся проводить; но теперь ты здесь, и я могу вам только изъявить мою жаркую благодарность, Иван Ильич...

Дама подала руку остолбенелому Ивану Ильичу и почти ущипнула, а не сжала ее.

— *Monsieur* Творогов! мой знакомый; на бале у Скорлуповых имели удовольствие видеться: я, кажется, говорила тебе? Неужели ты не помнишь, Коко?

— Ах, конечно, конечно! ах, помню! — заговорил господин в енотовой шубе, которого называли Коко. — Очень приятно, очень приятно.

И он жарко пожал руку господину Творогову.

— Это с кем? Что же это значит? Я жду... — раздался сиплый голос.

Перед группой стоял господин бесконечного роста; он вынул лорнет и внимательно посмотрел на господина в енотовой шубе.

— Ах, *monsieur* Бобыницын! — защебетала дама. — Откудова? вот встреча! Представьте, меня тотчас разбили лошади... но вот мой муж!

*Jean!*³ *Monsieur* Бобыницын, на бале у Карповых...

— Ах, очень, очень, очень приятно!.. Но я сейчас возьму карету, мой друг.

— Возьми, *Jean*, возьми: я вся в испуге; я дрожу; со мной даже дурно... Сегодня в маскараде, — шепнула она Творогову... — Прощайте, прощайте, господин Бобыницын! мы, верно, встретимся завтра на бале у Карповых...

— Нет, извините, я завтра не буду; я уж завтра того, коль теперь не так... — Господин Бобыницын проворчал что-то еще сквозь зубы, шаркнул сапожищем, сел в свои сани и уехал.

Подъехала карета; дама села в нее. Господин в енотовой шубе остановился; казалось, он не в силах был сделать движения и бессмысленно смотрел на господина в бекеше. Господин в бекеше улыбался довольно неостроумно.

— Я не знаю...

— Извините, очень рад быть знакомым, — отвечал молодой человек, кланяясь с любопытством и немного сробев.

— Очень, очень рад...

— У вас, кажется, свалилась калоша...

— У меня? Ах да! благодарю, благодарю; хочу всё завести резинные...

— В резинных нога как будто потеет-с, — сказал молодой человек, по-видимому с безграничным участием.

— *Jean!* да скоро ли ты?

— Именно потеет. Сейчас, сейчас, душенька, вот разговор интересный! Именно, как вы изволили заметить, потеет нога...

Впрочем, извините, я...

— Помилуйте-с.

— Очень, очень, очень рад познакомиться...

Господин в енотах сел в карету; карета тронулась; молодой человек всё еще стоял на месте, в изумлении провожая ее глазами.

II

На другой же вечер шло какое-то представление в Итальянской опере. Иван Андреевич ворвался в залу как бомба. Еще никогда не замечали в нем такого *furore*⁴, такой страсти к музыке. По крайней мере положительно знали, что Иван Андреевич чрезвычайно любил всхрапнуть часок-другой в Итальянской опере; даже отзывался несколько раз, что оно и приятно, и сладко. «Да и примадонна-то тебе, — говаривал он друзьям, — мяукает, словно беленькая кошечка, колыбельную песенку». Но он это уже давно что-то говаривал, еще в прошлый сезон; а теперь, увы! Иван Андреевич и дома не спит по ночам. Однако ж он все-таки ворвался как бомба в залу, набитую битком. Даже капельдинер взглянул на него как-то подозрительно и тут же накосился глазом на его боковой карман, в полной надежде увидеть ручку припрятанного на всякий случай кинжала. Нужно заметить, что в то время процветали две партии и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались *** зисты, другие *** нисты. Обе партии до того любили музыку, что капельдинеры наконец решительно стали опасаться какого-нибудь очень решительного проявления любви ко всему прекрасному и высокому, совмещавшемуся в двух примадоннах. Вот почему, смотря на такой юношеский порыв в залу театра даже седовласого старца, хотя, впрочем, не совсем седовласого, а так, около пятидесяти лет, плешивенького, и вообще человека с виду солидного свойства, капельдинер невольно вспомнил высокие слова Гамлета, датского принца:

Когда уж старость падает так страшно, Что ж юность?

и т. д.

и, как было сказано выше, накосился на боковой карман фрака, в надежде увидеть кинжал. Но там был только один бумажник, и более ничего.

Влетев в театр, Иван Андреевич мигом облетел взглядом все ложи второго яруса, и — о ужас! сердце его замерло: она была здесь! она сидела в ложе! Тут был и генерал Половицын с супругою и свояченицею; тут был и адъютант генерала — чрезвычайно ловкий молодой человек; тут был еще один статский... Иван Андреевич напряг всё внимание, всю остроту зрения, но — о ужас! статский человек предательски спрятался за адъютанта и остался во мраке неизвестности.

Она была здесь, а между тем сказала, что будет вовсе не здесь!

Вот эта-то двойственность, проявлявшаяся с некоторого времени на каждом шагу Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вот этот-то статский юноша и поверг его наконец в совершенное отчаяние. Он опустился в кресла совсем пораженный. Отчего бы, кажется? Случай очень простой...

Нужно заметить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возле бенуара, и вдобавок предательская ложа второго яруса приходилась прямо над его креслами, так что он, к величайшей своей неприятности, решительно ничего не мог заметить, что делалось над его головою. Зато он злился и горячился, как самовар. Весь первый акт прошел для него незаметно, то есть он не слышал ни одной ноты. Говорят, что музыка тем и хороша, что можно настроить музыкальные впечатления под лад всякого ощущения. Радующийся человек найдет в звуках радость, печальный — печаль; в ушах Ивана Андреевича завывала целая буря. К довершению досады, сзади, спереди, сбоку кричали такие страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконец акт кончился. Но в ту минуту, как падал занавес, с нашим героем случилось такое приключение, которое никакое перо не опишет.

Случается, что иногда с верхних ярусов лож слетает афишка. Когда пьеса скучна и зрители зевают, для них это целое приключение. Особенно с участием смотрят они на полет этой чрезвычайно мягкой бумаги с самого верхнего яруса и находят приятность следить за ее путешествием зигзагами до самых кресел, где она непременно уляжется на чью-нибудь вовсе не приготовленную к этому случаю голову. Действительно, очень любопытно смотреть, как эта голова сконфузится (потому что она непременно сконфузится). Мне всегда тоже бывает страшно за дамские бинокли, которые лежат зачастую на

бордюрах лож: мне всё так и кажется, что они вот тотчас слетят на чью-нибудь не приготовленную к этому случаю голову. Но я вижу, что некстати сделал такое трагическое примечание, и потому отсылаю его к фельетонам тех газет, которые предохраняют от обманов, от недобросовестности, от тараканов, если они у вас есть в доме, рекомендуя известного господина Принчипе, страшного врага и противника всех тараканов на свете, не только русских, но даже и иностранных, как-то пруссаков и проч.

Но с Иваном Андреевичем случилось приключение, до сих пор еще нигде не описанное. К нему слетела на голову, — как уже сказано, довольно плешивую, — не афишка. Признаюсь, я даже совещусь сказать, что к нему слетело на голову, потому что действительно как-то совестно объявить, что на почтенную и обнаженную, то есть отчасти лишенную волос, голову ревнивого, раздраженного Ивана Андреевича слетел такой безнравственный предмет, как, например, любовная раздушенная записочка. По крайней мере бедный Иван Андреевич, совершенно не приготовленный к этому непредвиденному и безобразному случаю, вздрогнул так, как будто поймал на своей голове мышь или другого какого-нибудь дикого зверя.

Что записка была любовного содержания, в этом ошибаться было нельзя. Она была писана на раздушенной бумажке, совершенно так, как пишутся записки в романах, и сложена в предательски малую форму, так что ее можно было скрыть под дамской перчаткой. Упала же она, вероятно, по случаю, во время самой передачи: как-нибудь спрашивали, например, афишку, и уж записочка проворно была ввернута в эту афишку, уже передавалась в известные руки, но один миг, может быть, нечаянный толчок адъютанта, чрезвычайно ловко извинившегося в своей неловкости, — и записочка выскользнула из маленькой дрожавшей от смущения ручки, а статский юноша, уже протягивавший свою нетерпеливую руку, вдруг получает, вместо записки, одну афишку, с которой решительно не знает, что делать. Неприятный, странный случай! совершенная правда; но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще неприятнее.

— *Prédestiné*⁵, — прошептал он, обливаясь холодным потом и сжимая записочку в руках, — *prédestiné!* Пуля найдет виноватого! — промелькнуло в его голове. — Нет, не то! Чем же я виноват? А вот там есть другая пословица: на бедного Макара и так далее.

Но мало ли что начнет перезванивать в голове, оглушенной таким внезапным происшествием! Иван Андреевич сидел на стуле окостенев, как говорится, ни жив ни мертв. Он уверен был, что его приключение замечено со всех сторон, несмотря на то что во всей зале в это самое время началась суматоха и вызов певицы. Он сидел так сконфузившись, так покраснев и не смея поднять глаз, как будто с ним случилась какая-нибудь неожиданная неприятность, какой-нибудь диссонанс в прекрасном многолюдном обществе. Наконец он решился поднять глаза.

— Приятно пели-с! — заметил он одному франту, сидевшему по левую его сторону.

Франт, который был в последней степени энтузиазма и хлопал руками, но преимущественно выезжал на ногах, бегло и рассеянно взглянул на Ивана Андреевича и тотчас же, сделав руками щиток над своим ртом, чтоб было слышнее, крикнул имя певицы. Иван Андреевич, который еще никогда не слышал подобной глотки, был в восторге. «Ничего не заметил!» — подумал он и обратился назад. Но толстый господин, сидевший сзади его, теперь в свою очередь стал к нему задом и лорнировал ложи. «Тоже хорошо!» — подумал Иван Андреевич. Впереди, разумеется, ничего не видали. Он робко и с радостной надеждой покосился на бенуар, возле которого были его кресла, и вздрогнул от самого неприятного чувства. Там сидела прекрасная дама, которая, закрыв рот платком и упав на спинку кресел, хохотала как исступленная.

— Ох уж эти мне женщины! — прошептал Иван Андреевич и пустился по ногам зрителей к выходу.

Теперь я предлагаю решить самим читателям, я прошу их самих рассудить меня с Иваном Андреевичем. Неужели прав был он в эту минуту? Большой театр, как известно, заключает в себе четыре яруса лож и пятый ярус — галерею. Почему же непременно предположить, что записка упала именно из одной ложи, именно из этой самой, а не другой какой-нибудь, — например, хоть из пятого яруса, где тоже бывают дамы? Но страсть исключительна, а ревность — самая исключительная страсть в мире.

Иван Андреевич бросился в фойе, стал у лампы, сломал печать и прочел:

«Сегодня, сейчас после спектакля, в Г-вой, на углу ***ского переулка, в доме К***, в третьем этаже, направо от лестницы. Вход с подъезда. Будь там, *sans faute*⁶, ради бога».

Руки Иван Андреевич не узнал, но сомнения нет: назначалось свидание. «Поймать, изловить и пресечь зло в самом начале», — была первая идея Ивана Андреевича. Ему было пришло в голову изобличить теперь же, тут же на месте; но как это сделать? Иван Андреевич взбежал даже во второй ярус, но благоразумно воротился. Решительно, он не знал, куда бежать. От нечего делать он забежал с другой стороны и посмотрел чрез открытую дверь чужой логи на противоположную сторону. Так, так! во всех пяти ярусах по вертикальному направлению сидели молодые дамы и молодые люди. Записка могла упасть из всех пяти ярусов разом, потому что Иван Андреевич подозревал решительно все ярусы в заговоре против него. Но его ничто не исправило, никакие видимости. Весь второй акт он бегал по всем коридорам и нигде не находил спокойствия духа. Он было сунулся в кассу театра, в надежде узнать от кассира имена особ, взявших логи во всех четырех ярусах, но касса уже была заперта. Наконец раздались неистовые восклицания и аплодисменты. Представление кончилось. Начинались вызовы, и особенно гремели с самого верха два голоса — предводители обеих партий. Но не до них было дело Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнейшего его поведения. Он надел бекешь и пустился в Г-вую, чтоб там застать, накрыть, изобличить и вообще поступить немного энергичнее, чем вчерашний день. Он скоро нашел дом и уже ступил на подъезд, как вдруг, словно под руками у него, прошмыгнула фигура франта в пальто, обогнала его и пустилась по лестнице в третий этаж. Ивану Андреевичу показалось, что это тот самый франт, хотя он не мог различить и тогда лицо этого франта. Сердце в нем замерло. Франт обогнал его уже двумя лестницами. Наконец он услышал, как отворилась дверь в третьем этаже, и отворилась без звонка, как будто ждали пришедшего. Молодой человек промелькнул в квартиру. Иван Андреевич достиг третьего этажа, когда не успели еще затворить эту дверь. Он хотел было постоять перед дверью, благоразумно пообдумать свой шаг, поробеть немного и потом уже решиться на что-нибудь очень решительное; но в эту самую минуту загремела карета у подъезда, с шумом отворились двери и чьи-то тяжелые шаги начали с кряхтом

и кашлем свое восшествие в верхний этаж. Иван Андреевич не устоял, отворил дверь и очутился в квартире со всею торжественностью оскорбленного мужа. Навстречу к нему бросилась горничная, вся в волнении, потом явился человек; но остановить Ивана Андреевича не было никакой возможности. Как бомба влетел он в покои и, пройдя две темные комнаты, вдруг очутился в спальне перед молодой, прекрасной дамой, которая вся трепетала от страха и смотрела на него с решительным ужасом, как будто не понимая, что вокруг нее делается. В эту минуту слышались тяжелые шаги в соседней комнате, которые прямо шли в спальню: это были те самые шаги, которые всходили на лестницу.

— Боже! это мой муж! — вскрикнула дама, всплеснув руками и побледнев белее своего пеньюара.

Иван Андреевич почувствовал, что он не туда попал, что сделал глупую, детскую выходку, что не обдумал хорошо своего шага, что не поробел достаточно на лестнице. Но делать было нечего. Уже отворилась дверь, уже тяжелый муж, если только судить по его тяжелым шагам, входил в комнату... Не знаю, за кого принял себя Иван Андреевич в эту минуту! не знаю, что ему помешало прямо стать навстречу мужа, объявить, что попался впросак, сознаться, что бессознательно поступил неприличнейшим образом, попросить извинения и скрыться, — конечно, не с большою честью, конечно, не со славою, но по крайней мере уйти благородным, откровенным образом. Но нет, Иван Андреевич опять поступил как мальчик, как будто бы считал себя Дон-Жуаном или Ловеласом! Он сначала прикрылся занавесками у кровати, а потом, когда почувствовал себя в полном упадке духа, припал на землю и бессмысленно полез под кровать. Испуг подействовал на него сильнее благоразумия, и Иван Андреевич, сам оскорбленный муж, или по крайней мере считавший себя таким, не вынес встречи с другим мужем — может быть, боясь оскорбить его своим присутствием. Так или не так, но он очутился под кроватью, решительно не понимая, как это сделалось. Но, что всего было удивительнее, дама не оказала никакой оппозиции. Она не закричала, видя, как чрезвычайно странный пожилой господин ищет убежища в ее спальне. Решительно, она была так испугана, что, по всей вероятности, у нее отнялся язык.

Муж вошел, охая и кряхтя, поздоровался с женой нараспев, самым старческим образом, и свалился на кресла так, как будто только что принес бремя дров. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иван Андреевич, превратившийся из разъяренного тигра в ягненка, оробев и присмирив, как мышонок перед котом, едва смел дышать от испуга, хотя и мог бы знать, по собственному опыту, что не все оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло ему в голову или от недостатка соображения, или от другого какого-нибудь припадка. Осторожно, тихонько, ощупью начал он оправаляться под кроватью, чтоб как-нибудь улечься удобнее. Каково же было его изумление, когда он ощупал рукою предмет, который, к его величайшему изумлению, пошевелился и в свою очередь схватил его за руку! Под кроватью был другой человек...

— Кто это? — шепнул Иван Андреевич.

— Ну, так я вам и сказал сейчас, кто я такой! — прошептал странный незнакомец. — Лежите и молчите, коли попались впросак!

— Однако же...

— Молчать!

И посторонний человек (потому что под кроватью довольно было и одного), посторонний человек стиснул в своем кулаке руку Ивана Андреевича так, что тот едва не вскрикнул от боли.

— Милостивый государь...

— Тсс!

— Так не жмите же меня, или я закричу.

— Ну-ка, закричите! попробуйте!

Иван Андреевич покраснел от стыда. Незнакомец был суров и сердит. Может быть, это был человек, испытавший не раз гонения судьбы и не раз находившийся в стесненном положении; но Иван Андреевич был новичок и задыхался от тесноты. Кровь била ему в голову. Однако ж нечего было делать: нужно было лежать ничком. Иван Андреевич покорился и замолчал.

— Я, душенька, был, — начал муж, — я, душенька, был у Павла Иваныча. Сели мы играть в преферанс, да так, кхи-кхи-кхи! (он закашлялся) так... кхи! так спина... кхи! ну ее!.. кхи! кхи! кхи!

И старичок погрузился в свой кашель.

— Спина... — проговорил он наконец со слезами на глазах, — спина разболелась... геморрой проклятый! Ни статья, ни сесть... ни

сесть! Акхи-кхи-кхи!..

И казалось, что вновь начавшемуся кашлю суждено было прожить гораздо долее, чем старичку, обладателю этого кашля. Старичок что-то ворчал языком в промежутках, но решительно ничего нельзя было разобрать.

— Милостивый государь, ради бога, подвиньтесь! — прошептал несчастный Иван Андреевич.

— Куда прикажете? места нет.

— Однако же, согласитесь сами, мне невозможно таким образом. Я еще в первый раз нахожусь в таком скверном положении.

— А я в таком неприятном соседстве.

— Однако же, молодой человек...

— Молчать!

— Молчать? Однако вы поступаете чрезвычайно неучтиво, молодой человек... Если не ошибаюсь, вы еще очень молодой; я постарше вас.

— Молчать!

— Милостивый государь! вы забываетесь; вы не знаете, с кем говорите!

— С господином, который лежит под кроватью...

— Но меня привлек сюда сюрприз... ошибка, а вас, если не ошибаюсь, безнравственность.

— Вот в этом-то вы и ошибаетесь.

— Милостивый государь! я постарше вас, я вам говорю...

— Милостивый государь! знайте, что мы здесь на одной доске.

Прошу вас, не хватайте меня за лицо!

— Милостивый государь! я ничего не разберу. Извините меня, но нет места.

— Зачем же вы такой толстый?

— Боже! я никогда не был в таком унижительном положении!

— Да, ниже лежать нельзя.

— Милостивый государь, милостивый государь! я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, как это случилось; но я здесь по ошибке; я не то, что вы думаете...

— Я бы ровно ничего не думал об вас, если б вы не толкались. Да молчите же!

— Милостивый государь! если вы не подвинетесь, со мной будет удар. Вы будете отвечать за смерть мою. Уверяю вас... я почтенный

человек, я отец семейства. Не могу же я быть в таком положении!..

— Сами же вы сунулись в такое положение. Ну, подвигайтесь же! вот вам место; больше нельзя!

— Благородный молодой человек! милостивый государь! я вижу, что я в вас ошибался, — сказал Иван Андреевич, в восторге благодарности за уступленное место и расправляя затекшие члены, — я понимаю стесненное положение ваше, но что же делать? вижу, что вы дурно обо мне думаете. Позвольте мне поднять в вашем мнении мою репутацию, позвольте мне сказать, кто я такой, я пришел сюда против себя, уверяю вас; я не за тем, за чем вы думаете... Я в ужаснейшем страхе.

— Да замолчите ли вы? понимаете ли, что, если услышат нас, будет худо? Тсс... Он говорит. — Действительно, кашель старика, по-видимому, начинал проходить.

— Так вот, душенька, — хрипел он на самый плачевный напев, — так вот, душенька, кхи!.. кхи! ах, несчастье! Федосей-то Иванович и говорит: вы бы, говорит, тысячелиственник пить попробовали; слышишь, душенька?

— Слышу, мой друг.

— Ну, так и говорит: вы бы, говорит, попробовали тысячелиственник пить. Я и говорю: я пиявки припускал. А он мне: нет, Александр Демьянович, тысячелиственник лучше: он открывает, я вам скажу... кхи! кхи! ох, боже мой! Как же ты думаешь, душенька? кхи-кхи! ах, создатель мой! кхи-кхи!.. Так лучше тысячелиственник, что ли?.. кхи-кхи-кхи! ах! кхи — и т. д.

— Я думаю, что попробовать этого средства не худо, — отвечала супруга.

— Да, не худо! У вас, говорит, пожалуй, чахотка, кхи-кхи! А я говорю: подагра да раздражение в желудке; кхи-кхи! А он мне: может быть, и чахотка. Как ты, кхи-кхи! как ты думаешь, душенька: чахотка?

— Ах, боже мой, что это вы говорите такое?

— Да, чахотка! А ты бы, душенька, раздевалась теперь да спать ложилась, кхи! кхи! А у меня, кхи! сегодня насморк.

— Уф! — сказал Иван Андреевич, — ради бога, подвиньтесь!

— Решительно, я вам удивляюсь, что с вами делается, ну, не можете вы спокойно лежать...

— Вы ожесточены против меня, молодой человек; хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вероятно, любовник этой дамы?

— Молчать!

— Не буду молчать! не дам вам командовать! А, вы, верно, любовник? Если нас откроют, я ни в чем не виноват, я ничего не знаю.

— Если вы не замолчите, — сказал молодой человек, скрежеща зубами, — я скажу, что вы завлекли меня; я скажу, что вы мой дядя, который промотал свое состояние. Тогда по крайней мере не подумают, что я любовник этой дамы.

— Милостивый государь! вы издеваетесь надо мной. Вы истощаете терпение мое.

— Тсс! или я вас заставлю молчать! Вы несчастье мое! Ну, скажите, на что вы здесь? Без вас я бы пролежал как-нибудь до утра, а там бы и вышел.

— Но я здесь не могу же лежать до утра; я человек благоразумный; у меня, конечно, связи... Как вы думаете, неужели он будет здесь ночевать?

— Кто?

— Да этот старик...

— Разумеется, будет. Не все ж такие мужья, как вы. Ночуют и дома.

— Милостивый государь, милостивый государь! — закричал Иван Андреевич, похолодев от испуга. — Будьте уверены, что и я тоже дома, а теперь в первый раз; но, боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой человек? скажите мне тотчас же, умоляю вас из бескорыстной дружбы, кто вы таков?

— Послушайте! я употреблю насилие...

— Но позвольте, позвольте вам рассказать, милостивый государь, позвольте вам объяснить всё это скверное дело...

— Никаких объяснений не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или...

— Но я не могу же...

Под кроватью последовала легкая борьба, и Иван Андреевич умолк.

— Душенька! что-то здесь как будто коты шепчутся?

— Какие коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чем разговаривать с своим мужем. Она была так поражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла ушки.

— Какие коты?

— Коты, душенька. Я намедни прихожу, сидит Васька у меня в кабинете, шю-шю-шю! и шепчет. Я ему: что ты, Васенька? а он опять: шю-шю-шю! И так как будто всё шепчет. Я и думаю: ах, отцы мои! уж не о смерти ли он мне нашептывает?

— Какие глупости вы говорите сегодня! Стыдитесь, пожалуйста.

— Ну, ничего; не сердись, душенька; я вижу, тебе неприятно, что я умру, не сердись; я только так говорю. А ты бы, душенька, стала раздеваться и спать легла, а я бы здесь посидел, пока ты ложиться будешь.

— Ради бога, полноте; после...

— Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здесь как будто мыши.

— Ну вот, то коты, то мыши! Право, я не знаю, что с вами делается.

— Ну, я ничего, я ни... кхи! я ничего, кхи-кхи-кхи-кхи! ах, боже ты мой! кхи!

— Слышите, вы так возитесь, что и он услышал, — прошептал молодой человек.

— Но если б вы знали, что со мной делается. У меня носом кровь идет.

— Пусть идет, молчите; подождите, когда он уйдет.

— Молодой человек, но вникните в мое положение; ведь я не знаю, с кем я лежу.

— Да легче вам от этого будет, что ли? Ведь я не интересуюсь знать вашу фамилию. Ну, как ваша фамилия?

— Нет, зачем же фамилию... Я только интересуюсь объяснить, каким бессмысленным образом...

— Тсс... он опять говорит.

— Право, душенька, шепчутся.

— Да нет же; это у тебя вата в ушах дурно лежит.

— Ах, по поводу ваты. Знаешь ли, тут, наверху... кхи-кхи! наверху, кхи-кхи-кхи! — и т. д.

— Наверху! — прошептал молодой человек. — Ах, черт! А я думал, что это последний этаж; да разве это второй?

— Молодой человек, — прошептал, встрепенувшись, Иван Андреевич, — что вы говорите? ради бога, почему это вас интересует? И я думал, что это последний этаж. Ради бога, разве здесь еще этаж?..

— Право, кто-то ворочается, — сказал старик, переставший наконец кашлять...

— Тсс! слышите! — прошептал молодой человек, сдавив обе руки Ивана Андреевича.

— Милостивый государь, вы держите мои руки в насилии. Пустите меня.

— Тсс...

Последовала легкая борьба, и потом опять наступило молчание.

— Так вот я и встречаю хорошенькую... — начал старик.

— Как, хорошенькую? — перебила жена.

— Да ведь вот... говорил прежде я, что встретил хорошенькую даму на лестнице, или я пропустил? У меня ведь память слаба. Это зверобой... кхи!

— Что?

— Зверобой пить надо: говорят, лучше будет... кхи-кхи-кхи! лучше будет!

— Это вы его перебили, — проговорил молодой человек, опять заскрежетав зубами.

— Ты говорил, что встретил сегодня хорошенькую какую-то? — спросила жена.

— А?

— Хорошенькую встретил?

— Кто такой?

— Да ты?

— Я-то? Когда? Да, бишь!..

— Наконец-то? экая мумия! Ну, — прошептал молодой человек, мысленно погоняя забывчивого старичка.

— Милостивый государь! я трепещу от ужаса. Боже мой! что я слышу? Это как вчера; решительно как вчера!..

— Тсс.

— Да, да, да! вспомнил: преплотовочка! Глазенки такие... в голубой шляпке...

— В голубой шляпке! Ай, ай!

— Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! — закричал Иван Андреич...

— Она? кто она? — прошептал молодой человек, стиснув руки Ивана Андреевича.

— Тсс! — сделал в свою очередь Иван Андреевич. — Он говорит.

— Ах, боже мой! боже мой!

— Ну, да, впрочем, у кого ж нет голубой шляпки... ну!

— И такая плутовка! — продолжал старик. — Она тут к каким-то знакомым приходит. Всё глазки делает. А к тем знакомым тоже ходят знакомые...

— Фу! как это скучно, — перебила дама, — помилуй, чем ты интересуешься?

— Ну, хорошо, ну, ну! не сердись! — возразил старичок нараспев. — Ну, я не буду говорить, коль ты не желаешь. Ты что-то не в духе сегодня...

— Да вы как же сюда попали? — заговорил молодой человек...

— А, видите, видите! вот вы теперь интересуетесь, а прежде не хотели и слушать!

— Ну, да ведь мне всё равно! не говорите, пожалуйста! Ах, черт возьми, какая история!

— Молодой человек, не сердитесь; я не знаю, что говорю; это я так; я только хотел сказать, что тут, верно, что-нибудь недаром, что вы принимаете участие... Но кто вы, молодой человек? Я вижу, вы незнакомец; но кто же вы, незнакомец? Боже, я не знаю, что говорю!

— Э! подите, пожалуйста! — прервал молодой человек, как будто что-то обдумывая.

— Но я вам всё расскажу, всё. Вы, может быть, думаете, что я не расскажу, что я зол на вас, нет! вот рука моя! Я только в упадке духа, больше ничего. Но, ради бога, скажите мне всё сначала: как вы здесь сами? по какому случаю? Что же касается до меня, то я не сержусь, ей-богу, не сержусь, вот вам рука моя. Здесь только пыльно; я немного запачкал ее; но это ничего для высокого чувства.

— Э, подите с вашей рукой! тут повернуться негде, а он с рукой лезет!

— Но, милостивый государь! вы со мной обходитесь, как будто, с позволения сказать, со старой подошвой, — проговорил Иван Андреевич в припадке самого кроткого отчаяния, голосом, в котором было слышно моление. — Обходитесь со мной учтивее, хоть немножко учтивее, и я вам всё расскажу! Мы бы полюбили друг друга; я даже готов пригласить вас к себе на обед. А этак нам вместе лежать нельзя,

откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человек! Вы не знаете...

— Когда же это он ее встретил? — бормотал молодой человек, очевидно в крайнем волнении. — Она, может быть, теперь меня ждет... Я, решительно, выйду отсюда!

— Она? кто она? боже мой! про кого вы говорите, молодой человек? Вы думаете, что там, наверху... Боже мой! Боже мой! За что я так наказан?

Иван Андреевич попробовал повернуться на спину в знак отчаянья.

— А вам на что знать, кто она? А, черт! Была не была, я вылезаю!..

— Милостивый государь! что вы? а я-то, я-то как буду? — прошептал Иван Андреевич, в припадке отчаяния уцепившись за фалды фрака своего соседа.

— А мне-то что? Ну, и оставайтесь одни. А не хотите, так я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промотал свое состояние, чтоб не подумал старик, что я любовник жены его.

— Но, молодой человек, это невозможно; это ненатурально, коли дядя. Никто не поверит вам. Этому вот такой маленький ребенок не поверит, — шептал в отчаянии Иван Андреевич.

— Ну, так не болтайте же, а лежите себе смирно, пластом! Пожалуй, ночуйте здесь, а завтра как-нибудь вылезете; вас никто не заметит; уж коли один вылез, так, верно, не подумают, что еще остался другой. Еще бы сидела целая дюжина! Впрочем, вы и один стоите дюжины. Подвигайтесь, или я выйду!

— Вы язвите меня, молодой человек... А что, если я закашляюсь? Нужно всё предвидеть!

— Тсс!..

— Что это? как будто наверху я опять слышу возню, — проговорил старичок, который тем временем, кажется, успел задремать.

— Наверху?

— Слышите, молодой человек, наверху!

— Ну, слышу!

— Боже мой! молодой человек, я выйду.

— А я так не выйду! Мне всё равно! Уж если расстроилось, так всё равно! А знаете ли, что я подозреваю? Я подозреваю, что вы-то и есть какой-нибудь обманутый муж — вот что!..

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ